

О.С. Сергиенко, В.В. Ушакова
O.S. Sergienko, V.V. Ushakova

РЕАЛИИ В ПОВЕСТИ «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ» М.А. БУЛГАКОВА И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ В ЧЕШСКИХ ПЕРЕВОДАХ

REALIA IN M. BULGAKOV'S NOVELLA "THE HEART OF A DOG" AND METHODS OF THEIR TRANSFER IN CZECH TRANSLATIONS

Цель настоящего исследования – рассмотреть основные способы перевода на чешский язык реалий, встречающихся в повести М.А. Булгакова «Собачье сердце», сравнить, как с этой задачей справились три разных переводчика повести на чешский язык (Л. Душкова – 1989, А. Моравкова – 1990, М. Дворжак – 2010), а также установить степень адекватности каждого из переводов. Научная новизна работы заключается в том, что исследование переводов реалий «Собачьего сердца» на материале чешского языка ранее не проводилось. Вслед за С. Влаховым и С. Флориным, авторы считают реалиями «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому». В статье будут рассмотрены основные классификации реалий и способы передачи реалий, встречающиеся в трех чешских переводах: транскрипция и транслитерация, введение неологизма (калькирование, полужалки, освоение, семантический неологизм), приблизительный перевод (генерализация, функциональный аналог, толкование) и контекстуальный перевод. Авторы приходят к выводам, что среди приемов, используемых переводчиками для передачи реалий в художественном тексте, чаще всего встречаются транскрипция и функциональный аналог, реже – генерализация, описательный перевод, калькирование. Переводы А. Моравковой отличаются тщательностью, точностью и трезвостью в выборе языковых средств. Л. Душкова чаще других прибегает к опущениям, заменам, контекстуальному переводу, чаще использует стилистически более сниженную лексику, встречаются опущения и незначительные искажения смысла. М. Дворжак чаще других переводчиков прибегает к транскрипции, не поясняя реалию для читателя, что может привести к затруднению понимания и перенасыщению текста иноязычными словами. А. Моравкова и М. Дворжак, однако, бережнее Л. Душковой обходятся с оригинальным текстом, переводят ближе к оригиналу, стараясь сохранять синтаксические конструкции и обороты булгаковского стиля.

Ключевые слова: «Собачье сердце», М.А. Булгаков, художественный перевод, перевод реалий, национально-специфическая лексика, чешский язык.

The aim of this research is to examine the main ways of translating into Czech the realia found in M.A. Bulgakov's novella "The Heart of a Dog", to compare how three different translators of the novella into Czech (L. Dušková – 1989, A. Moravková – 1990, M. Dvořák – 2010) coped with this task, and to establish the degree of adequacy of each translation. The scientific novelty of the work lies in the fact that the study of translations of the realia of "The Heart of a Dog" on the

material of the Czech language has not been conducted before. Following S. Vlachov and S. Florin, the authors consider as realia "words (and word combinations) naming objects characteristic of life (everyday life, culture, social and historical development) of one nation and alien to another". The article will examine the main classifications of realia and the ways of rendering realia found in three Czech translations: transcription and transliteration, introduction of neologism (calques, semi-calques, assimilation, semantic neologism), approximate translation (generalisation, functional analogue, interpretation) and contextual translation. The authors conclude that among the techniques used by translators to convey realia in a fiction text, transcription and functional analogue are the most common, while generalisation, descriptive translation, and calques are less common. A. Moravková's translations are characterised by thoroughness, accuracy and sobriety in the choice of linguistic means. L. Dushková more often than others resorts to omissions, substitutions, contextual translation, more often uses stylistically lower vocabulary, there are omissions and minor distortions of meaning. M. Dvořák more often than other translators resorts to transcription without explaining realia to the reader, which can lead to difficulties in understanding and overloading the text with foreign-language words. A. Moravková and M. Dvořák, however, treat the original text more carefully than L. Dushková, translating closer to the original, trying to preserve syntactic constructions and turns of Bulgakov's style.

Key words: "Dog's Heart", M.A. Bulgakov, literary translation, translation of realia, national-specific vocabulary, Czech language.

DOI: 10.24888/2079-2638-2024-63-4-28-35

Судьба «Собачьего сердца» в чешских переводах довольно примечательна. Мало какое произведение за исключением, пожалуй, такой классики, как «Евгений Онегин», может похвастаться наличием трех официальных переводов, к тому же очень качественных.

Как отмечает И.А. Герчикова в статье «Михаил Булгаков на чешской сцене», всплеск интереса к Булгакову произошел в середине 1960-х гг. Тогда же основной переводчицей произведений М.А. Булгакова стала выпускница отделения русистики Карлова университета Алена Моравкова (р. 1935) [4, 201–205]. В 1966 г. Моравкова перевела «Театральный роман», а уже через три года в 1969 г. вышел ее перевод самого известного произведения Булгакова «Мастер и Маргарита». В том же году А. Моравкова издала перевод «Белой гвардии». Следующие переводы последовали в 80-х и 90-х годах. По сути, А. Моравкова перевела все более или менее значительные произведения писателя на чешский язык. Моравкова также является автором фундаментальной монографии «Крестный путь Михаила Булгакова» (1996) [19].

В конце 1989 г. повесть «Собачье сердце» вышла в переводе Людмилы Душковой в издательстве «Odeon», а в начале 1990 г. в издательстве «Lidové nakladatelství» с разницей в месяц появился перевод «Собачьего сердца» А. Моравковой. Л. Душкова в газете «Literární povípu» объяснила эту ситуацию тем, что она еще в 1966 г. перевела «самиздатский» текст, который привезла из Москвы, и публикация этого перевода была запланирована на 1968 г., но в силу известных причин не состоялась. Вместе с тем Л. Душкова говорила о необходимости «сломать монополию» одного переводчика (подразумевая Моравкову) на творчество Булгакова – в этом, по словам Душковой, состояла одна из целей запоздалого издания «Собачьего сердца» в ее переводе [7]. Оба перевода в дальнейшем переиздавались: перевод Л. Душковой – в 1997 г. в изд-ве «Huek», Моравковой – в 2012 г. в изд-ве «Garamond».

В 2014 г. в изд-ве «Československý spisovatel» появился новый перевод «Собачьего сердца» от другого замечательного чешского переводчика русской литературы Милана Дворжака (который известен, прежде всего, как переводчик «Евгения Онегина»).

О творчестве переводчиков русской литературы Милане Дворжаке и его брате Либоре Дворжаке мы уже писали ранее [11].

Итак, перейдем к анализу переводов реалий «Собачьего сердца» на материале всех трех основных упомянутых переводов повести на чешский язык, а именно, Л. Душковой (1989), А. Моравковой (1990), М. Дворжака (2005).

Многие исследователи ранее обращались к переводу реалий на материале повести М.А. Булгакова «Собачье сердце», однако анализировались в основном переводы на английский [5; 10], немецкий [8], французский [9], итальянский [6] и др. языки, проводились и компаративистские исследования на материале двух языков, например, английского и немецкого [1]. Исследования переводов реалий на материале чешского языка ранее не проводились. Мы ранее уже обращались к анализу перевода фразеологизмов «Собачьего сердца» на чешский и английский языки [12], а также рассматривали перевод реалий в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» на чешский язык [13].

Вслед за С. Влаховым и С. Флориным, мы будем считать реалиями «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу "на общих основаниях", требуя особого подхода» [3, 47].

В повести «Собачье сердце» можно встретить множество примеров реалий. Именно они помогают автору воссоздать национальный и исторический колорит, отразить время, историческую эпоху, подчеркнуть своеобразие культуры и быта.

Самой подробной универсальной предметной классификацией реалий, на наш взгляд, является классификация С. Влахова и С. Флорина [3, 51–56], которые выделили следующие группы (здесь и далее – примеры из повести «Собачье сердце»).

1. Этнографические реалии:

- бытовые (жилье, мебель, посуда, утварь и т.п.): *подворотня, парадное, черный ход, полати, самовар, плевательница, кадушка, полоскательница, примус;*

- пища, напитки: *ци, «особая краковская» колбаса, абрау-дюрсо, топленое молоко, баба (ромовая);*

- одежда, обувь, головные уборы: *калоша, фильдеперсовые чулочки, фланелевые штаны, валенки, околыш с золотыми галунами, клюка, штиблеты, тужурка;*

- транспортные средства: *сани, подножка;*

- труд: люди труда, орудия труда, организация труда: *дворник, завхоз, швейцар, городовой, чучельник, извозчик;*

- искусство и культура: музыка, песни, танцы («Ой, яблочко», «Светит месяц»), театр («Милая Аида»), музыкальные инструменты и др. (*гармошка, балалайка*);

- религия, обычаи, ритуалы: *отходная, сотворить намаз, патриарший куколь, епитрахиль;*

- праздники, игры: *закрутился как кубарь под кнутом;*

- единицы меры и денежные знаки: *осьмушка, ариин, червонец, пятиалтынный, золотник, верста* и т.д.

2. Общественно-политические реалии:

- органы и носители власти: *Совет Нормального питания, центральный совет народного хозяйства, уголовная милиция, домком, председатель домкома, комиссарша;*

- общественно-политическая жизнь:

- политические организации, политические деятели, прочие реалии политической жизни: *большевики, меньшевик, советский, контрреволюция;*

- социальные явления и движения и их представители: *столовая нормального питания, Моссельпром, Жиркость, Москвошвея, жилтоварищи, уплотнение;*

обращения: *барышня, голубчик, сударыня, господа / господин, товарищ, милостивый государь, папаша;*

сословия и их члены: *пролетарий, барин, холуй, буржуй, помещики, трудовой элемент, нэпман, социалприслужница;*

• военные реалии: подразделения, оружие, обмундирование, военнослужащие и командиры: *красный командир, колчаковские фронты, белый билет.*

3. Ономастические реалии:

• антропонимы:

общие имена и фамилии: *Шарик, Шариков, Филипп Филиппович Преображенский, Иван Арнольдович Борменталь, Швондер* и т.д.;

индивидуальные имена и фамилии, называющие известных, реально существующих или существовавших личностей: *Энгельс, Каутский, профессор Мечников, Айседора Дункан;*

• топонимы: *Пречистенка, Мертвый переулок, Обухов переулок, Моховая, Сухаревка;*

• названия компаний, музеев, театров, дворцов, ресторанов, магазинов, пляжей, аэропортов и т.п.: *Калабуховский дом, Большой театр, «Главрыба» / «абыр+валг», Елисейвы братья, «Славянский базар», Храм Христа* и т.д.

Для адекватного перевода слова-реалии «переводчику необходимы определенные знания о той действительности, которая изображена в переводимом произведении, т.н. «фоновые знания», т.е. совокупность представлений о том, что составляет реальный фон, на котором разворачивается картина жизни другой страны, другого народа» [14, 163]. Предпосылкой для верной передачи слов, выражающих реалии материального быта, является знание самих вещей, стоящих за этими словами, верное представление о них.

Влахов и Флорин сводят приемы передачи реалий к двум способам: **транскрипции и переводу**, называя эти понятия антонимическими.

Под **транскрипцией** исследователи понимают механическое перенесения реалии из языка оригинала в язык перевода графическими средствами последнего с максимальным приближением к оригинальной фонетической форме [3, 87]. Транскрипция может быть частичной, т.е. транскрибироваться может только корень иноязычного слова и употребляться в сочетании с суффиксами языка перевода.

К данному способу перевода прибегают все переводчики, сталкивающиеся с реалиями, не исключение и переводчики «Собачьего сердца»: *большевик* (чеш. *bolševik*), *балалайка* (чеш. *balalajka*), *самовар* (чеш. *samovar*), *рубль* (чеш. *rubl*). Здесь все три переводчика были солидарны. Транслитерации подвергается аббревиатура *Главрыба*, по которой Шарик учится читать. Это было первое внятное слово, произнесенное Шариком в облике человека, только наоборот: «*абыр*», «*абыр-валг*». М. Дворжак и Л. Душкова переводят как *Glavryba, abyryalg*. А. Моравкова применяет функциональный аналог – более понятное чехам *Hlavní rybárna* (букв. 'Центральный рыбный магазин') и только *Rybárna* наоборот в исполнении Шарика – «*anrabyr*».

Довольно неожиданно М. Дворжак прибегает к транскрипции и при переводе некоторых исторических денежных единиц (*червонец* – чеш. *červonec*), мер веса (*золотник* – чеш. *zlotník*; *четверть аришина* – чеш. *čtvrť aršínu*) и длины (*верста* – чеш. *versta*), не делая при этом никаких пояснений или сносок для читателей. В то время как его коллеги используют функциональные аналоги, пусть порой и не очень точные, но гораздо более понятные (*dvacet rublů, dvě deka, kilometr, patnáct centimetrů*).

Опять же без какого-либо пояснения *нэпман* М. Дворжак и Л. Душкова передают как *перман*. А. Моравкова переводит более понятным и нейтральным аналогом *podnikatel*.

У Дворжака мы также встречаем транскрипцию для слова *щи* (чеш. *šči*), в то время как у Душковой и Моравковой – функциональный аналог *zelňačka* – так называется чешский суп из квашеной капусты.

Транскрипция и транслитерация являются основными способами передачи антропонимов и топонимов: *Polygraf Polygrafovič, Filipp Filippovič Preobraženskij*

(Л. Душкова сохраняет удвоенную «р» в имени Филипп, М. Дворжак оставляет одинарную, следуя правилам чешской орфографии, где удвоенные согласные не приняты), *Ivan Arnoldovič Bormental*, *Zinaida Prokofjevna Buninová* (у Дворжака встречается два разных написания – *Zinaida* и *Zinajda*, у остальных переводчиков – только *Zinaida*), *Darja Petrovna Ivanovová* (у женских фамилий мы видим чешский суффикс -ová, который добавляется даже к таким фамилиям, как Иванов), *Fjodor*, *Klim Grigorjevič Čugunkin*, *Švonder* и т.д.

Особого внимания заслуживает перевод формы «имя + отчество». А. Моравкова всячески избегает такой формы обращения. В тексте Булгакова мы на каждой странице встречаемся с *Филиппом Филипповичем*, *Иваном Арнольдовичем*, *Дарьей Петровной*. Однако А. Моравкова абсолютно везде, кроме отрывков, где зачитываются официальные документы, употребляет такие слова как *profesor* (а в тех частях, где повествование идет от лица Шарика – *pán*, *Bobíkův pán*), *doktor*, просто *Darja*. В обращениях это, соответственно звательная форма: *profesore*, *doktore* и т.д.. Л. Душкова и М. Дворжак, напротив, употребляют имена и отчества во всех случаях, где они встречаются в оригинальном тексте, в том числе в обращениях в звательной форме: *Filipe Filipoviči*, *Ivane Arnoldoviči*, *Darjo Petrovno* и т.п. С одной стороны, это несколько утяжеляет текст для чешского читателя, непривычного к такой форме имени, с другой стороны, это довольно традиционный способ перевода русской литературы, и для человека начитанного не должно представлять сложности. Безусловно, это добавляет национального колорита и аутентичности переводу. В данном случае, такое старательное избегание имени-отчества в переводе А. Моравковой остается непонятным.

Суффиксы субъективной оценки для имен собственных в чешском и в русском языках похожи, а потому у переводчиков не было проблем с переводом разных форм имени *Zinaida*, ласкательная или уничижительная окраска которых на фоне полной формы совершенно понятна читателю: *Зина* – чеш. *Zina*, *Зинка* – чеш. *Zinka*, *Зинуша* – чеш. *Zinušo* (А. Моравкова, М. Дворжак), *Zinočko* (Л. Душкова).

Что касается имени главного героя, то у Л. Душковой *Шарик* – *Baryk*, у А. Моравковой – *Bobík*. Оба имени – распространенные в Чехии собачьи клички. Аналогично образована и фамилия Шарикова-человека: *Barykov*, *Bobikov*. И только М. Дворжак транскрибировал как кличку, так и фамилию – *Šarik*, *Šarikov*. Стоит отметить, что такая собачья кличка тоже известна в Чехии. Нам кажется, что выбор М. Дворжака оправдан, ведь, как отмечал В.С. Виноградов, «чем выше степень художественной выразительности и типизации персонажа, чем важнее его роль в отечественной литературе, чем больше степень нарицательности имени, тем проблематичнее перевод и целесообразнее транскрипция данного имени» [2, 146].

При передаче топонимов переводчики пользуются как транскрипцией, так и калькированием, путем замены составных частей – морфем или слов их лексическими соответствиями в языке перевода, часто добавляют пояснения. Так, например, *Большой* – чеш. *Velké divadlo* (Л. Душкова, А. Моравкова), только у М. Дворжака просто *Velké*. *Храм Христа* – у всех троих *Chrám Krista Spasitele*, *Мертвый переулок* – чеш. *Mrtvá ulička*.

Название *Калабуховского дома* (он же *Калабухов*) переводчики передают разными способами: по правилам образования чешских притяжательных прилагательных чеш. *Kalabuchovův dům* / *Kalabuchovův* (А. Моравкова), смысловой перевод *dům starého Kalabuchova* / *Kalabuchov* (Л. Душкова), и снова наиболее близкий вариант к оригиналу, сохранение адъективной формы *Kalabuchovský dům*, *Kalabuchov* (М. Дворжак).

Перевод реалий применяют в тех случаях, когда транскрипция или транслитерация невозможна и нежелательна. И здесь существует несколько способов перевода, а именно: введение неологизма, приблизительный перевод и контекстуальный перевод.

1. Введение неологизма — наиболее подходящий после транскрипции путь сохранения содержания и колорита переводимой реалии путем создания нового слова или словосочетания.

а) Калькирование состоит в переводе по частям слова или словосочетания с последующим сложением приведенных частей без каких-либо изменений: *учетная карточка* – чеш. *evidenční karta* (Л. Душкова, А. Моравкова), *evidenční kartička* (М. Дворжак), *Славянский Базар* – *Slovanský bazar* (А. Моравкова).

б) Полукальки – частичные заимствования, состоящие частью из своего собственного материала, а частью из материала иноязычного слова или словосочетания: *Совет Нормального питания* – чеш. *Rada hromadného stravování*, букв. 'Совет общественного питания' (А. Моравкова).

в) Освоение – адаптация иноязычной реалии, придание ей на основе иноязычного материала обличия родного слова. При этом реалия не только меняет свою форму, но и обычно теряет часть семантического содержания: *Москвошвея* – чеш. *Moskrejčzav* (М. Дворжак), у Л. Душковой не очень удачный вариант – *Dům módy* (букв. 'Дом моды'), у А. Моравковой более понятное *Moskevská oděvní tvorba* (букв. 'московское швейное производство').

г) Семантический неологизм – новое слово или словосочетание, сочиненное переводчиком и позволяющее передать смысловое содержание реалии. От кальки его отличает отсутствие этимологической связи с оригинальным словом: *уплотнение* (квартир) – чеш. *uskrovnění* (от старочешского *skrovnost* = *skromnost*), далее А. Моравкова использует описательный перевод *rozdělení velkých bytů, rozdělování* (букв. 'разделение больших квартир'); М. Дворжак тоже использует необычное слово *zahuštění bytů v domě* (букв. 'загустение квартир в доме').

2. Приблизительный перевод реалий применяется значительно чаще. С его помощью удастся передать предметное содержание реалии. При этом почти всегда теряется колорит, так как происходит замена коннотативного эквивалента нейтральным по стилю, т. е. словом или сочетанием слов с нулевой коннотацией. Существует несколько вариантов приблизительного перевода.

а) Родо-видовая замена позволяет передать приблизительно содержание реалий единицей с более широким значением, подставляя родовое понятие вместо видового. Это не что иное, как **генерализация**, прием широко известный в теории перевода: *лакированные штиблеты* все три переводчика перевели как *lakýrku*, опустив такое яркое слово оригинала, как *штиблеты*, поскольку *lakýrku* – это просто разговорное для 'лакированные туфли'.

б) Функциональный аналог, предложенный А.Д. Швейцером, есть «элемент конечного высказывания, вызывающего сходную реакцию у русского читателя» [15, 251] Этим способом можно заменить обозначения мер весов, денег, элементов быта и т.д. Но этот прием следует применять очень осторожно, так как создается возможность замены одной реалии другой, местной, как в следующем примере:

Мне белый билет полагается, – ответил Шариков на это.

В переводе Л. Душковой: *Mám právo na modrou knížku* (букв. 'У меня есть право на голубую книжку'). У М. Дворжака тоже *modrá knížka*. *Modrá knížka* (букв. 'голубая книжка') – в Чехословакии и позже в Чешской республике удостоверение о неспособности к действительной военной службе, ранее – справка об освобождении от воинской обязанности. Но дело в том, что данная реалия в Чехословакии имела место в период с 1948 года, в то время как время действия повести – это 1920-е гг. Возможно, поэтому А. Моравкова предпочла описательный перевод: *Mě by měli osvobodit od vojenský službu* (букв. 'Меня должны освободить от военной службы').

в) Описание, объяснение, толкование обычно используются в тех случаях, когда нет другого выбора. При этом объясняется понятие, которое по тем или иным причинам не было передано транскрипцией. Таких случаев перевода встречается больше всего, например: *напаха* – чеш. *vyšoká čepice*, букв. 'высокая шапка' (А. Моравкова), *отходная* – чеш. *modlitba za spásu mé duše*, букв. 'молитва о спасении моей души' (Л. Душкова) и т.п.

В «Собачем сердце» очень часто упоминается слово *подворотня*. А. Моравкова переводит *подворотню* и как *škvíra pod vraty* (букв. 'щель под воротами'), и как *vrata*, но при

этом *vrata* в ее переводе – это и *ворота*. Вообще, у слова *подворотня* два значения, оба имеют пометку в словаре «разговорное»: 1. пространство, щель между воротами и землей; доска, закрывающая щель между воротами и землей. 2. проем в стене дома для проезда, прохода во двор. У М. Булгакова это именно второе. И более удачный перевод мы встречаем у Л. Душковой и М. Дворжака – *průjezd* (букв. 'проезд, проход').

3. Контекстуальный перевод противопоставляется обычно словарному переводу, так как соответствия слова в контексте могут отличаться от словарных. Так же, как и в случае приблизительного перевода, при контекстуальном переводе реалия исчезает, и на ее месте оказывается нейтральный заместитель. И порой для разгрузки читателя в текстах с повышенным содержанием реалий эти применение этих приемов оправдано.

Я теперь председатель, и сколько ни накраду — все на женское тело, на раковые шейки, на абрау-дюрсо. Так рассуждает пес Шарик об отношениях некой «машинисточки» с ее кавалером. Л. Душкова использует функциональный аналог для перевода названия игристого (чеш. разг. *šampaňo* – шампанское, сокращение от *šampaňské víno*) и контекстуальный перевод для *раковых шеек*: *Ted' jsem předseda, a co si nakradu, všechno dám na ženský, na čokoládový pralinky a na šampaňo* (букв. 'на шоколадные конфеты и на шампанское'). А. Моравкова же в данном случае допускает промашку – переводит название российского игристого вина транслитерацией на французский манер, добавляя, что это французское вино, в то время как в переводе с черкесского «Абрау» означает «обрыв», а «Дюрсо» – «четыре воды», а «раковые шейки» также понимает буквально: *Ted' jsem předseda, a všechno, co nakradu, věnuju na ženský tělo, račí ocásky a na francouzský vína Abrau-Dorseau* (букв. 'на раковые хвостики и французские вина «Абрау-Дюрсо»').

Таким образом, среди приемов, используемых переводчиками для передачи реалий в художественном тексте, чаще всего встречаются транскрипция и функциональный аналог, реже – генерализация, описательный перевод, калькирование.

Переводы А. Моравковой безусловно отличаются тщательностью, точностью и трезвостью в выборе языковых средств, а также тем, что они остаются актуальными на многие десятилетия. Доказательством этого служит то, что ее перевод «Мастера и Маргариты» переиздавался уже двенадцать раз, последний раз в 2020 г. И это несмотря на то, что в 2005 г. выдающимся русистом Л. Дворжаком был сделан новый удачный перевод.

Л. Душкова чаще других прибегает к опущениям, заменам, контекстуальному переводу, чаще использует стилистически более сниженную лексику, чем в оригинале: *гастрономия* – *bufet*, *напах* – *beranice*, *общее собрание* – *plenárka*, *столовая нормального питания* – *závodka*, *разруха* – *následky naší hospodářské krize*. В ее переводе чаще встречаются опущения (не перевела слова *подножка*, *полтора целковых*, *барский, барышня*), искажения смысла: *Абрау-дюрсо* – *šampaňo*, *холуй* – груб. вульг. *posera* (букв. 'человек, который наложил в штаны'), *топленое молоко* – *připálené mléko* (букв. 'подгоревшее молоко'). Однако в целом перевод оставляет хорошее впечатление. Именно в переводе Л. Душковой в 2023 г. на радио «Vltava» транслировалась радиоадаптация повести.

М. Дворжак чаще других переводчиков прибегает к транскрипции, ничего не поясняя читателю, что может привести к затруднению понимания и перенасыщению текста иноязычными реалиями.

А. Моравкова и М. Дворжак, однако, бережнее Л. Душковой обходились с исходным текстом, переводили ближе к оригиналу, стараясь сохранять синтаксические конструкции и обороты булгаковского стиля. Перевод же Л. Душковой в целом более вольный, в нем чаще применяются различные способы переводческих трансформаций.

1. Артемьева Ю.В., Явари Ю.В. Проблема достижения полноценного перевода реалий // СИСП. 2022. № 3. С. 235–253.

2. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М., 2001.

3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1986.

4. Герчикова И.А. Михаил Булгаков на чешской сцене // Михаил Булгаков и славянская культура / отв. ред. Е.А. Яблоков. М., 2017. С. 200–211.
5. Изволенская А.С. О роли переводческого комментария: социально-политические реалии в повести М.А. Булгакова «Собачье сердце». Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021, 19(2). С. 166–180.
6. Кутеко Д.А. Итальянские переводы повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» / Д.А. Кутеко // Итальянистика в современном мире: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 27–28 февр. 2020 г.). М., 2021. С. 151–155.
7. Малиuti Е. Михаил Булгаков в словацкой культуре: вопросы рецепции и перевода. URL: <https://m-bulgakov.ru/publikacii/mihail-bulgakov-i-slavyanskaya-kultura/p3> (дата обращения: 10.09.2024).
8. Минюхина Т.С. Перевод реалий в прозе Михаила Булгакова: магистерская диссертация. СПб: СПбГУ, 2017.
9. Николаева Э.А. Этнографические реалии и способы их передачи на французский язык (на материале повести И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», романа «Мастер и Маргарита» и повести «Собачье сердце» М.А. Булгакова и «Педагогической поэмы» А.С. Макаренки) / Э.А. Николаева // Проблемы современного языкового образования. Владимир, 2005. С. 271–276.
10. Пастухова Е.Н. Специфика перевода реалий художественного текста (на материале двух переводов повести М.А. Булгакова «Собачье сердце») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6-2(84). С. 378–381.
11. Сергиенко О.С. Современные чешские переводчики русской литературы – братья Либор и Милан Дворжаки // Пятые Андреевские чтения. Славянские литературы и литературные взаимосвязи. Материалы секции XLII Международной филологической конференции 11–17 марта 2013 г. СПб., 2013. С. 63–71.
12. Сергиенко О.С. Особенности перевода фразеологических единиц (на материале повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов на чешский и английский языки) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3 ч. Ч. 3. С. 144–148.
13. Сергиенко О.С., Бабкина Л.Д. Реалии в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» и их отражение в переводе на чешский язык. // Russian Linguistic Bulletin. № 4(28) 2021. С. 228–231.
14. Старкова Л.В. Прагматические аспекты перевода историзмов // Наука и современность. 2010. № 2-3. С. 161–166.
15. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика: О газ.-информ. и воен.-публицист. переводе. М., 1973.
16. Bulgakov M. *Psí srdce*. Praha, 1989.
17. Bulgakov M. *Psí srdce*. Praha, 2012.
18. Bulgakov M. *Psí srdce a jiné povídky*. Praha, 2014.
19. Tomek M. Jak se Mistr a Markétka naučili česky // Plav. Měsíčník pro světovou literaturu. 13.12.2021. № 10, 2021. URL: <https://www.svetovka.cz/2021/12/10-2021-kratas/> (дата обращения: 02.09.2024).